

«ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ» В РОМАНЕ П. АКРОЙДА «МИЛЬТОН В АМЕРИКЕ»

Действие романа «Мильтон в Америке», в отличие от большинства произведений П. Акройда, происходит не в Лондоне, любимом городе писателя, а в Новой Англии, в вымышленном американском поселении Нью-Мильтон. Тем не менее, мы вполне можем говорить о том, что образ британской столицы присутствует в книге в виде постоянных аллюзий, реминисценций героев, в речевых партиях персонажей, насыщенных поговорками, в которых изобилуют лондонские топонимы и реалии. Лондон, или, по крайней мере, Англия, напоминают о себе и в диалектном произношении отдельных героев.

Главный герой, английский поэт Джон Мильтон, пытается на американской почве построить идеальный город, некий «возвращенный рай», вместо Лондона – рая, потерянного в связи с Реставрацией. Реально существовавший классик английской литературы становится для П. Акройда прототипом художественного персонажа с тем же именем, который переживает опыт, описанный в героической поэме Дж. Мильтона «Потерянный рай». П. Акройд проводит своего героя через те же испытания, которым подвергались Адам и Ева у поэта – появление и жизнь в новом месте, искушение и грехопадение. Кроме того, в романе у Мильтона появляется секретарь и помощник Гузквилл. Они представляют читателю два «возвращенных рая», два образа идеального города, которые, при всей их непохожести, составляют важную часть акройдовского городского мифа.

Образ города для П. Акройда, как можно судить по большинству его произведений, связан с британской столицей. То, что для персонажей «Мильтона в Америке» город на новой земле представляет собой идеальную модель именно Лондона, проявляется, во-первых, в *постоянных аллюзиях*. Все описания новой земли являются сопоставлениями с Англией: пейзаж, который открывается взору прибывших на «Архангеле Гаврииле» путешественников, поразительно напоминает им родные края:

«Они не знали ничего, кроме Англии, и когда вновь показался берег, им чудилось, что это их родина, обновленная, поднялась из вод, столь же безлюдная и девственная, как в те времена, когда друиды еще не околдовали ее» [3:11]. Гром землетрясения сопоставляется с грохотом лондонских экипажей, [3:145], ширина тропы – с английскими переулками [3:157], река – с Темзой.

Не только природа в глазах прибывших подобна английской, но и жизнь людей в Новом свете воспринимается ими как вариант жизни в Англии. Гузквиллу деревянный домик, обмазанный глиной, кажется «столь же роскошным, как Уайтхолл» [3:81], измученные тяжелыми условиями поселенцы напоминают «нищих из Шадуэлла» [3:89], некоторые люди, по манерам и внешности, те же лондонцы:

«Джентльмен на мосту помахал нам в ответ так непринужденно, словно мы встретились где-нибудь около Олд-Джуэри» [3:79].

«У него было большое щекастое красное лицо, как у смитфилдских мясников» [3:93].

Элементы лондонской мифологии составляют значительную часть той системы координат, с помощью которой Мильтон и некоторые другие герои осваивают новое пространство, тем самым «обживая» его на манер уже знакомого им лондонского. Гузквилл сравнивает местных деревянных идолов с лондонскими языческими покровителями Тогом и Магогом [3:178], Мильтон, собираясь ступить на неизведанный берег, призывает их же [3:28], а индейское поселение он сравнивает с местом обитания друидов [3:265].

Наконец, отождествление в романе Лондона в Старом свете и поселения в Новом доказывается следующим диалогом Мильтона с другом юности:

- « – Вот ты и вернулся в Кембридж, Джон.
- Но где я теперь – в старом или новом свете?
- И там, Джон, и тут» [3:249].

Один из принципов демонстрации читателю двух вариантов Лондона в образе возвращенного рая – это контрастное изображение двух поселений, пуританского Нью-Мильтона и католического Мэри Маунт. Последнее кажется праздником бытия Гуквиллу, а Нью-Милтон – это совершенная модель мира для поэта-изгнанника.

Гуквилл

«Рай» для Гуквилла – это радостный и яркий мир театра, полный карнавального смеха.

В его представлении даже знаменитый Джон Милтон превращается в балаганного Джека и устаивается самых нелестных сравнений- перевертышей:

«Он, конечно, был не таким старым, как колокольня собор св. Павла, но таким же усталым» [3:48].

«Его слова горьки на вкус, как кларкенеуэльские яблоки, хотя сам он уже не зелен, как яблочко» [3:237].

«Неподалеку находилось упавшее дерево, и я прислонил его к стволу, словно чучело для майского праздника» [3:249].

Жизнь в Мэри-Маунт, в отличие от Нью-Мильтона, кажется Гуквиллу сплошным праздником бытия, где балаганным представлениям и маскарадным развлечениям отводится главенствующее место.

Праздники совмещают в себе и христианские, и языческие элементы – как европейские, например, майский шест, так и американские – чучела птиц и кожаные мешочки с благовониями. В поселении совмещены даже объекты поклонения – рядом со статуей Богоматери помещен индейский идол.

Такое же «перемешивание» можно наблюдать и среди празднующих – и переселенцы, и местные одинаково радуются жизни. Гуквилл с изумлением наблюдает, как «хозяина подняли на руках, и англичане вместе с индейцами опустили на колени прямо на сырой земле и склонили головы под трехкратный перезвон колокола» [3:183].

«Раем» в глазах Гуквилла Мэри-Маунт делает не столько изобилие еды и удовольствий, сколько атмосфера гражданского равноправия и религиозной терпимости. «Индейцы и англичане жили вместе на условиях полного равенства ... некоторые англичане женились на индейских женщинах, и у них появлялось многочисленное потомство» [3:181]. Гуквилл считает, что «вдали от дома», «в этой пустыни» [3:184], людям следует держаться вместе. Именно это и означает для него идеальный город и, следовательно, идеальный мир.

Джон Милтон

Для Джона Мильтона Мэри Маунт являет собой олицетворение разврата и греха. Рай же для него – прежде всего место, где спасение достигается не весельем, но молитвой, изучением Библии и умерщвлением плоти. Для него постоянные отсылки к Священному писанию являются не просто риторическим приемом, но способом моделирования и упорядочивания мира. Так, самого себя он считает слепым Самсоном, ввергнутым в темноту [3:5], туземцы для него суть дьяволы [3:6], Мэри Маунт – Вавилон [3:188], Бог – игрок.

Свое путешествие в Новый свет Милтон также помещает в библейский контекст: «Мы покинули Содом и прибыли в землю ханаанскую!» [3:69]. «Я ушел из Египта, чтобы обрести новый Израиль» [3:81].

Даже простые, каждодневные события приобретают оттенок религиозного служения. В гостях, например, Милтон и Гуквилл вкушают «рыбу и хлеб, на манер первых христиан» [3:82], а свое ведение дневника дважды в день Милтон приравнивает к заутрене и вечерне [3:119]. Поэт убежден, что его миссия, в выполнении

которой им руководит сам Бог [3:240] — построить «град божий» [3:103] на новой земле, которую он воспринимает как «виноградник Христа» [3:30].

Упоминание о винограднике отнюдь не случайно. Мильтон тщательно возделывает свой сад — он воплощает собой рай в миниатюре [2:19], и возделывание сада — такой же долг христианина, как воспитание паствы и возведение города, полного благочестивых верующих. «Возвращенный рай», который главный герой хочет увидеть в американской земле, имеет прообразом не только город Лондон, но и сад Эдем.

Мильтон, однако, добровольно отказывается от «райских атрибутов» — яблонь и певчих птиц — в собственном саду. Его сад — это «ненастоящий» Эдем, а, следовательно, и город, который он пытается построить, — «ненастоящий» град божий.

Для П. Акройда и для его героев Лондон, по всей видимости, — это компактный универсум, содержащий в себе все, что есть в большом мире, хотя, возможно, в трансформированном виде. Об этом свидетельствует следующий диалог Гузквилла и его жены Кэтрин:

- « — Они «девоновские холмы (*Devon hills*)» такие красивые! Я скучаю по ним.
- В Лондоне мало холмов, Кэт, но у нас есть Корнхилл (*Cornhill*).
- У нас есть вересковые заросли (*moors*), где водятся дикие звери.
- У нас есть Морфилдс (*Moorfields*), где содержатся дикие люди.
- У нас есть море (*sea*).
- У нас есть Маршалси (*Marshalsea*)» [3:69].

В этом диалоге противопоставляются друг другу явления природы (холмы, заросли, море) и городской жизни (Маршалси, например, — старинная лондонская долговая тюрьма [1:65]), причем последние оказываются саркастически перевернутыми вариантами первых. Свобода, олицетворяемая стихиями, превращается в не-свободу человеческого бытия.

Лондон в романе, таким образом, хотя и связан со своим реальным прототипом, появляется в результате акта поэтического мифотворчества. В данном случае поэт — Гузквилл, с помощью библейской риторики и стиля «Потерянного рая» свой Лондон возводит акройдовский Мильтон, и в конечном итоге возникает город того, кто создает и самих поэтов, — город Питера Акройда.

Примечания:

1. Акройд П. Дом доктора Ди [Пер. с англ. В. Бабкова] /П. Акройд. — М.: «Иностранка»; Б. С. Г. — ПРЕСС, 2000.
2. Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. — СПб: «Наука», 1991.
3. Ackroyd P. Milton in America. L.: Vintage, 1997.

© **Мамаева Н.Н.**
г. Екатеринбург

ГАРРИ ПОТТЕР И АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА

Название статьи сложилось сразу же, как только был открыт первый том гептологии о Гарри Поттере — «Гарри Поттер и конец английской литературной сказки». Автору хотелось написать о том, как полуторавековая традиция гибнет под нашествием масс-культуры, а жанр, который ставил вечные проблемы, превращается в сугубо развлекательное чтение. Однако все оказалось не так просто.

Уже в первой книге гептологии обнаружилось некое очарование, которое не позволяло полностью пренебречь данным произведением. Литературных достоинств в нём, конечно, не было, но зато в нём было то, в чём остро нуждается современный человек — это очарование рождественских каникул, некоего праздника, отдохновения